

УДК 81'367'335

ГРАММАТИКА И КОММУНИКАЦИЯ

Н.А. Андримонова

Аннотация

В статье рассматриваются основные тенденции структурирования публицистических текстов, выявляются наиболее активные синтагматические процессы функционирования сложного предложения, исследуются различия в системном и коммуникативном статусе некоторых единиц гипотаксиса, определяются семантические приоритеты современного социума при выражении реляционных смыслов в их взаимодействии с лексическими.

Целостность и взаимообусловленность вопросов науки и просвещения, теории и ее практического приложения, человека и его языка, содержания и формы, продемонстрированные в трудах представителей Казанской лингвистической школы (И.А. Бодуэн де Куртенэ), определили кардинальные направления развития языкознания: коммуникативно-антропологическое, концептуально-семантическое и идущее по линии точных наук – компьютерное. Коммуникативно-функциональный аспект, активизировавшийся в лингвистике 2-й половины XX в., сконцентрировал внимание на одной из доминантных функций языка – функции общения (Г.А. Золотова, Г.Г. Почепцов и др.). На стыке XX – XXI веков было акцентировано внимание и на когнитивной парадигме изучения языков, связанной с познанием, памятью, менталитетом.

С этих позиций наибольшую значимость приобретает общение не на уровне ординарных ситуаций, регулируемых обыденным сознанием, а на уровне суждений, умозаключений, субъективно-оценочных и полемических высказываний, где проявляется личностное начало и где предполагается содержательно-информационное и концептуальное обогащение участников коммуникации и их умение сказать свое слово.

Содержание высказывания отличается емкостью, многогранностью и иерархичностью смыслов: это и отвлеченно-грамматические значения (виды отношений), и конкретные лексические значения, и коммуникативный смысл, реализующийся говорящим в ситуациях общения, это и комплекс невыраженных, скрытых смыслов, относящихся к выводным знаниям, семантическим приращениям, подтекстовым наслоениям.

В этой связи особую значимость приобретает проблема структурирования мысли, соотношения грамматики и познания (Л.Г. Талми), а также языковой системы и речевой деятельности. В рамках дискурсивного подхода, дополненного когнитивным, представляется весьма актуальным рассмотрение функцио-

нирования сложного предложения как одного из ведущих способов абстрагированного мышления в языке современных СМИ.

Наблюдения, сделанные в области языка СМИ, являющегося лакмусовой бумагой, которая высвечивает динамику речи и перемены в языковой картине мира, позволяют констатировать целый ряд функциональных «новшеств» поведения и употребления сложных, особенно сложноподчиненных предложений многокомпонентного состава. При этом следует учитывать то, что «рейтинг» сложного предложения во многом понижается, уступая место простому. Это, очевидно, носит универсальный характер в условиях масс-медиаального информирования, лаконизации, демократизации и экспрессивации речи, а также влияния «клипового» сознания, не требующего проникновения в сложные логико-синтаксические связи.

Одной из наиболее заметных тенденций функционирования синтаксических единиц является их расчлененная подача, дозировка, которая может быть осмыслена как черта разговорности и аналитизма. Например, отрывок из статьи А. Лившица:

*Никогда на водил машину. Мне чужды педали и руль.
Наверное, это плохо. Но уж таким уродился.
А вот друг – настоящий фанат. Давно катается.
Человек небогатый. Хотя имеет две страховки. Обязательную и еще какую-то полную.*

Недавно попал в ДТП. Покарябали прилично.

Тот, кто терся, оказался честным малым.

Признался сразу. Мол, недоглядел.

Варежку разинул... Позвонили автоинспекторам.

Те приехали. Составили протокол. Дали справку («Известия» 10.03.2006.).

Парцелляцией охватываются и сложные предложения, даже те, которые ранее этому процессу противостояли, а именно предложения с присубстантивно-определятельными придаточными. Постановка точки перед формантом «который» не представляется нормативной, хотя в языке СМИ это явление достаточно частотно.

Но почему-то кажется, что план все-таки выполнила конькобежка Светлана Журова. Которую, после того как родила ребенка, лишили президентской стипендии за отсутствие результатов. Которая одновременно пыталась зарабатывать деньги, воспитывать сына и тренироваться. Которая добывала свое золото не благодаря, а вопреки («АИФ» 9.03.2006).

Неоднократная повторяемость парцеллированных придаточных воспринимается и как стилистическая фигура. Парцелляция придаточных обстоятельственного профиля при расчлененной структуре «суверенизации», отмежевании от главного предложения и приобретении статуса текстовой единицы способствует их большей или меньшей автономности.

Демченко делает свои сани в гараже, а испытывает их на прочность в Латвии, там же, где Зубков свой боб. Опять же потому как нет в России ни одной санно-бобслейной трассы («АИФ» 9.03.2006);

Пытался Казанцев заниматься и экономикой. Хотя по всему было видно: не его стихия («Известия» 13.03.2004).

Выясняем, у кого сколько замов. И кто тут главный. Мило. Но мало. Для того чтобы называть это реформой («Известия» 26.03.2004).

Выход сложноподчиненного предложения в текст вплоть до растворения в нем позволяет говорить не только о дезинтеграции целого (парцелляции), но и о дискурсивной стратегии присоединения.

Прослеживая частотность отдельных видов сложноподчиненных предложений, следует обратить внимание на активизацию и стилистическую переориентацию относительно-присоединительных предложений, которые в 60–70 годы XX в. были приметой книжной речи и отличались малоупотребительностью. Одной из причин этого является смещение границ книжного и разговорного стилей, формирование некоего усредненного варианта литературного языка. Востребованность этих конструкций стимулируется и тем, что они, как правило, заключают в себе модально-оценочный смысл, т. е. элемент антропоцентричности, а также тем, что способствуют сжатию информации, устранению дублирования. При этом соответствующие предложения характеризуются расширенной дислокацией, помещаясь в составе сложноподчиненного предложения в функции придаточного, реже – вставного компонента, диалогической реплики. Нередки случаи их расчлененной подачи с целью актуализации субъективной стороны речи. – *Остается Стабфонд. В него, похоже, и собираются залезть. Что крайне опасно. Ведь это не просто кубышка на черный день* («Известия» 14.12.2005); *Путин в нужное время вмешался в кризис реализации реформ. Что и было оценено населением. Госдума же в период обострения ситуации с реформой повела себя нерешительно. За что и поплатилась* («Комс. пр.» 11.03.2005); *...во время «холодной войны» мне повезло подружиться с очень теплыми людьми и даже влюбиться, что было тогда весьма рискованно* («Известия» 14.02.2004).

Заметим кстати, что в коммуникативную сферу вторгается синтаксическая единица, находящаяся на периферии теоретических классификаций. Это позволяет констатировать диспропорцию теории и практики в образовательном процессе, с одной стороны, а с другой – стимулирует поиски новых типологий системно-функционального характера, хотя смешение сфер общения осознается и как элемент карнавализации речи в СМИ (В.Г. Костомаров).

Весьма распространенными в языке СМИ оказываются и местоименно-союзные предложения, осложненные значением интенсивности, которые построены по моделям *так-что; такой-что, чтобы*. – *И такое ощущение абсурда исходило от всех этих картинок, что прямо-таки оторопь берет* («Известия» 20.03.2004); *Всем им покажут грандиозное шоу в воздухе, устроят такие показательные воздушные бои, что небо покажется с овчинку* («Комс. пр.» 18.02.2001).

Подобные конструкции ориентируются на определенный корпус лексем, передающих психологический настрой современного социума и личности (страх, тревога, шок, странность, удивление и т. п.). Их осмысление в русле языковой картины мира отличается своеобразием (кинетическая форма передачи эмоций, неконтролируемость, пассивизация и др.).

В языке СМИ, во многом ориентирующемся на воспроизводимость синтаксических структур, довольно употребительны фразеомодели с модальным зна-

чением необходимости, долженствования, достаточности/недостаточности. Нередко они могут использоваться в качестве заголовков статей, получая рифмованный и/или устойчивый лексический облик, занимать позицию ключевых заключительных фраз. – *Но, как известно, нам нужны такие Гоголи, чтобы нас не трогали* (И. Петровская).

Демократизация языка СМИ, устранение усложненных построений, диалогизация не препятствуют его семантической неоднозначности в аспекте языковой игры, иронизации, сочетаемости несочетаемого, включению и переосмыслению прецедентных высказываний и т. п. – *Нет Блока, чтобы описать реформу века: ночь, медсестра, фонарь и ипотека* («Комс. пр.» 15.09.2005).

Однако генерализирующая ментальная деятельность, прежде всего, сосредоточена в сфере доминантных логико-синтаксических отношений (субъектно-объектных, атрибутивных, обстоятельственных и др.), имеющих универсальный характер и обычно формально маркированных, что обеспечивает их адекватное осмысление.

Сложное предложение, являясь уникальной синтаксической единицей, сочетающей в себе признаки простого предложения и компонентов текста, по-разному реализует свои дискурсивные возможности.

На современном этапе, с одной стороны, наблюдается функциональное расширение сложного предложения в направлении выхода в текстовое пространство, с другой – сокращение его синтагматического развертывания в собственных пределах, не способствующее четкости и своевременности развития абстрактного мышления личности, затрудняющее осознание причинно-следственных, условно-следственных, уступительных отношений, которые в составе простого предложения возможны в виде свернутой пропозиции, а в рамках текста – на уровне формальной невыраженности. Известной компенсацией этого является подключение лексического уровня, чаще всего слов «причина» и «почему», причем в политическом и социальном дискурсе их неоднократное повторение в диалогизированной форме создает риторическую фигуру, основанную на градации. – *Почему «Газпром» (то есть государство) заплатил Р. Абрамовичу за «Сибнефть» 13 млрд. долл., хотя в августе 1995 г. он приобрел свой пакет акций всего за 100 млн. долл.? Почему власть не объяснит, кто на самом деле наш бывший «атомный министр» Адамов? Почему Государственная дума (вопреки международной практике) препятствует принятию закона о конфискации имущества у проворовавшихся чиновников? Не потому ли, что наше высшее начальство подключилось к коррупционным трубам и всю наслаждается красивой жизнью?* («Аиф», № 4, 2006).

Однако, определяя «концептуальную» структуру в языке и являясь средством формирования аргументативного и контраргументативного дискурса, преследующего цель поиска истины в философских спорах и правды в типичных ситуациях речевого общения, сложноподчиненные предложения в условиях межфразовых связей текстовых единиц со значением обусловленности могут уступать место другим способам передачи соответствующих значений или нередко попадают в зону имплицитности и осознаются интуитивно, что свойственно русскому менталитету (В.В. Колесов).

В современном языковом сознании, получившем отражение в языке прессы, значение удивительности, странности, парадоксальности перемещается в сферу каузальных отношений, ибо нередко нормативное, привычное становится удивительным, непонятым, так как оно находит реализацию не благодаря, а вопреки чему-либо. – *Удивительно, но факт: в нашей стране большая часть добрых дел совершается не благодаря, а вопреки властным структурам* (ЛГ, 2005, с.13); *Сегодня имена еще остались, а наука где? – Как ни странно – жива* («АиФ» 10.12.1997); *В минувшее воскресенье в семи регионах России народ занимался голосованием, и что удивительно – выборы состоялись* («Комс. пр.» 9.12.1997).

С одной стороны, лексикон предопределяет содержательную структуру предложений и находится в отношениях семантического согласования или совместимости с реляционными значениями, с другой – лексическое наполнение способствует сдвигам в исходной модели, ее модификациям и вариациям функционально-коммуникативного характера, свидетельствуя о подчиненности грамматики коммуникативным процессам.

Семантико-синтаксические отношения, прежде всего, взаимодействуют с абстрактной лексикой, называющей эти отношения, а также предполагают определенный набор эмоционально-оценочных и модальных значений, коррелирующих с ними.

Окказиональные лексические вкрапления обычно стимулируют появление дополнительных смыслов и усиливают прагматический эффект высказывания, в то время как стационарные словоформы содействуют фразеологизации синтаксических моделей сложного предложения.

Решение поставленных вопросов с учетом данных когнитологии позволит внести коррективы в проблему производства/воспроизводства языковых единиц в их лексико-грамматической целостности.

Поскольку развитие и функционирование языка определяется как интралингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, то подчеркнем, что социально-аксиологические доминанты российского общества конца XX – начала XXI столетия способствуют тому, что реляционная сфера языка отходит от устоявшихся корреляций как в плане актуализации/деактуализации грамматических значений и подзначений, так и в аспекте усиления дискретности речевой цепи и переосмысления функций сложного предложения и его составляющих.

Если, характеризуя тенденции развития грамматического строя русского языка, исследователи указывали на рост аналитизма, сегментации и парцелляции, то современная языковая действительность, прежде всего в сфере СМИ, превзошла все прогнозы, демонстрируя расчлененность речевой цепи и бум «суверенизации» слабоуправляемых компонентов синтаксических единств.

Процессы дезинтеграции целого, с одной стороны, и присоединения, подключения дополнительных звеньев информации, с другой, можно квалифицировать как ведущие, отражающие характер речемыслительной деятельности и стиль общения.

Итак, современный этап речемыслительной деятельности характеризуется определенными сдвигами не только в сфере лексики и фразеологии, но и в об-

ласти структурирования мысли, что проявляется в ряде активных процессов, охватывающих синтаксические единицы: словосочетания, поражающие необычным соединением компонентов, и сложные предложения, отличающиеся недостаточной востребованностью со стороны коммуникантов, но тем не менее не теряющие коммуникативного веса за счет расширения своих функциональных возможностей.

Выявление механизма взаимодействия и перераспределения языковых и текстовых знаний, взаимовлияния различных когнитивных систем в процессе существования и развития индивида и социума составляет одну из примарных задач современной филологии.

Summary

N.A. Andramonova. Grammar and communication.

In this paper we consider the main tendencies of structuring public texts, clarify the most active syntagmatic processes of the functioning of composite proposition. We study the differences in system and communicative status of some hypotaxis units. The semantic priorities of modern society with expressed relational sense in interaction with lexical priorities are determined.

Литература

1. *Бодуэн де Куртене И.А.* Языкознание, или лингвистика XIX века // Избр. тр. по общему языкознанию. Т. II. – М., 1963. – С. 3–18.
2. *Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. Г.А. Золотовой. – М.: МГУ, 1998. – 528 с.
3. *Колесов В.В.* Две заметки о языке и ментальности // *Studia Polono-Ruthenica* (Памяти профессора Альберта Бартошевича). – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – С. 67–81.
4. *Почепцов Г.* Теория и практика коммуникации. – М.: Изд-во «Центр», 1998. – 352 с.
5. *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Современное состояние русского языка и проблемы обучения ему иностранцев // *Русский язык как государственный. Материалы междунар. конф.* Челябинск, 5–6 июля 1997 г. – М., 1997. – С. 13–17.

Поступила в редакцию
15.03.06

Андромонова Наталия Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы в межнациональном общении Казанского государственного университета.